

Повесть о нашествии Тохтамыша

В 1382 г. хан Тохтамыш, воцарившийся в 1380 г. в Золотой Орде после победы над темником Мамаем, пошел на Москву. Ему удалось захватить город и подвергнуть его страшному разгрому; опустошены были и другие города Русской земли. Эти события и легли в основу летописной повести «О плѣнении и о прихождении Тахтамыша царя и о Московскомъ взятии», именуемой в научной литературе «Повестью о нашествии Тохтамыша».

Как показало текстологическое изучение «Повести...», в основе ее лежит краткий рассказ 1382 г., читавшийся в летописном своде 1408 г. Старшие списки «Повести...» содержатся в Софийской первой, Новгородской четвертой, Новгородской пятой, Новгородской Карамзинской летописях.

«Повесть о нашествии Тохтамыша», как можно полагать, была создана одновременно с Летописной повестью о Куликовской битве и в одном кругу книжников: на это, в частности, указывает тот факт, что «Повесть...» использовала тот же самый летописный свод и тот же источник — «Слово на Рождество Христово о пришествии волхвов».

Текст повести публикуется по Новгородской Карамзинской летописи XVI в. (РНБ, F. IV, 603). Исправления вносятся по Голицынскому списку первой редакции Новгородской четвертой летописи (РНБ, Q. XVII, 62).

Бысть нѣкое проявление по многы нощи: являшеся таково знамение на небеси на вѣстоцѣ пред раннею зарею — звѣзда нѣкаа, аки хвостата и аки копейнымъ образомъ, овогда в вечерней зари, овогда же въ утреней; то же многожды бываше. Се же знамение проявляше злое пришествие Тахтамышево на Рускую землю и горкое поганых татаръ нахождение на христианы, яко же и бысть гнѣвомъ божиимъ за умножение грѣхов наших. Бысть въ третие лѣто царства Тахтамышева, царствующу ему въ Ордѣ и в Сараи. И того лѣта царь Тахтамыш посла слуги своя в град, нарицаемый Българы, еже есть на Волзѣ, и повелѣ торговци рускиа и гости христианскыа грабити, а суды их и с товаромъ отимати и провадити к собѣ на перевоз. А самъ потщася съ яростию, събрав воя многы, и подвижеся к Волзѣ, съ всею силою своею перевезеся на сию страну Волги, съ всѣми своими князьми, з безбожными вои, с татарскими плѣки, и поиде изгономъ на великого князя Дмитриа Ивановича и на всю Русь. Ведяше же рать внезапу из невѣсти умѣниемъ тацѣмъ злохитриемъ — не даючи вѣсти преди себе, да не услышано будет на Руси устремление его.

И то слышав, князь Дмитрий Костянтинович Суждалский посла к царю Тахтамышу два сына своя, Василья да Семена. Они же, пришедше, не обрѣтоша его, бѣаше бо грядя борзо на христианъ, и гнаша вслѣд его нѣколико днии, и переяша дорогу его на мѣстѣ, нарицаемѣмъ Сернацѣ, и поидоша по дорозѣ его съ тщаниемъ, и постигоша его близ предѣль Рязанскыа земля. А князь Олегъ Рязанский срѣте царя Тахтамыша преже даже не вниде в землю Рязанскую, и бивъ ему челомъ, и бысть ему помощникъ на побѣду Руси, но и споспѣшник на пакость христианом. И ина нѣкаа словеса изнесе о томъ, како плѣнити землю Рускую, како бес труда взяти камень град Москву, како побѣдiti и издобыти князя Дмитриа. Еще же к тому обведе царя около всей своей отчинѣ, Рязанские земли, хотяше бо добра не нам, но своему княжению помагаше.

А в то время поздѣ нѣкако си, едва прииде вѣсть князю великому, възвѣщающу татарскую рать, аще бо и не хотяше Тахтамышь, дабы кто принеслъ вѣсть на Русь о его приходѣ, того бо ради вси гости руские поимани быша и пограблени, и удержани, дабы не было вѣсти Руси. Но обаче суть нѣции доброхоты на предѣлех ордынских на то устроени, поборници суще земли Русѣи.

Слышав же князь великій такую вѣсть, оже идетъ на него самъ царь въ множествѣ силы своя, нача сбирати воя и съвокупляти плѣки своя, и выеха из града Москвы, хотя ити противу татаръ. И ту начаша думу думати князь же Дмитрий с прочими князьми рускими, и с воеводами, и с думци, и с велможи, с бояры старѣйшими, и всячьскы гадаваше. И обрѣтесе въ князех розность, и не хотѣху пособляти друг другу, и не изволиша помагати брат брату, не помянуша Давидова пророка, глаголюща: «Се коль добро и коль красно, еже жити братии вкупѣ», и другому присно помнимому, рекшу: «Друг другу посабля и брат брату помагаа, яко град твердъ», бывшу же промежи ими не одиначеству, но неимовѣрству. И то познав, и разумѣвъ, и *разсмотрѣвъ*, благовѣрный бысть в недоумѣнии и в размышлении велицѣ, и убоися стати в лице противу самого царя. И не ста на бой противу его, и не подъя руки на царя, но поеха в град свой в Переяславль, и оттуду — мимо Ростова, и, паки реку, вборзѣ на Кострому. А Киприанъ митрополит приеха на Москву.

А на Москвѣ бысть замятня велика и мятеж великъ зѣло. Бяху людие смущени, яко овца, не имуще пастуха, гражданстии народи възмятошася и въсколибашася якои пьани. Овии сѣдѣти хотяху, затворившеся въ градѣ, а друзии бѣжати помышляше. И бывши промежи ими распри велицѣ: овии с рухлядью въ град вмѣщася, а друзии из града бѣжаху, ограблени суще. И створиша вѣче, позвониша въ вся колоколы.

И всташа вѣчемъ народи мятежници, недобрии челоуѣцы, людие крамолници: хотящих изити из града не токмо не пушаху вонъ из града, но и грабяху, ни самого митрополита не постыдѣшася, ни бояръ лучших не усрамишася, ни усрамишася сѣдинъ старецъ многолѣтных. Но на вся огрозишася, ставше на всѣх вратех градскихъ, сверху каменiemъ шибяху, а долѣ на земли с рогатинами, и с сулицами, и съ обнаженнымъ оружиemъ стояху, и не дадуще вылѣсти из града, и едва умолени быша поздѣ нѣкогда выпустиша их из града, и то ограбивше.

Граду же единаче в мятежи смущающуся, аки морю мутящуся в бури велицѣ, и ниоткуда же утѣшениа обрѣтающе, но паче болших и пуших золь ожидаху. Сим же тако бывающимъ, и потом приеха к нимъ въ град нѣкоторый князь литовскый, именовъ Остѣй, внукъ Олгердов. И тѣм окрѣпивъ народы, и мятеж градный укротивъ, и затворися с ними в градѣ въ осадѣ съ множествомъ народа, с тѣми, елико осталось граждан, и елико бѣжанъ збѣжалося с волостей, и елико от инѣх градов и от странъ. Приключишася в то время бояре, сурожане, суконники и прочии купци, архимандрити и игумени, протопопы, прозвитеры, дьяконы, черньци, и всякъ възрасть — мужескъ пол и женескъ, и съ младенци.

Князь же Олегъ обведъ царя около своей земли и указа ему вся броды, суцаа на рѣцѣ на Оцѣ. Царь же перешед рѣку Оку и преже всѣх взя град Серпохов и огнемъ пожже. И оттуду поиде к Москвѣ, напрасно устремився, духа ратнаго наполнися, волости и села жгуще и воюще, а народ христианский сѣкуще и всячески убивающе, а иньи люди в полон емлюще. И прииде ратью к граду Москвѣ. А сила татарскаа прииде мѣсяца августа 23 в понедельник. И приехавши не вси плѣци к граду, начаша *кличюще* въпрашивати, въпиюще и глаголюще: «Есть ли zde князь Дмитрий?» Они же из града с забороль отвѣщавше, рекоша: «Нѣтъ». Татарове же, отступивше недалече, и поехаша около града, обзирающе и разсматряюще приступы и рвы, и врата, и забрали, и стрѣлници. И паки стояху, зряще на град.

А тогда в градѣ внутрѣду добрии людие моляхуся Богу день и ночь, предстояще посту и молитвѣ, ожидающе смерти, готовляхуся с покааниемъ, и с причастиемъ, и слезами. Нѣции же недобрии челоуѣци начаша обходити по дворомъ, износяще ис погребов меды господьския и съсуды сребреныа, и стѣкляници драгыа, и упивахуся даже и до пиана, и к шатанию дерзость прилагаху, глаголюще: «Не устрашаемя нахожения поганых татаръ, селикъ твердѣ град имущи, еже суть стѣны камены и врата желѣзна. Не терпят бо ти долго стояти под градом нашимъ, сугубъ страх имуще, изнутрѣ града — бойци, а извнѣ — князей наших съвокупаемых устремления бояться». И паки възлазяще на град, пиани суще

шатахуся, ругающесе татаромъ, образомъ бестуднымъ досажаяще, и нѣкаа словеса износяще, исплѣнь укоризны, и хулы, и кидаху на ня, мняху бо толико то и есть силы татарские. Татарове же прямо к нимъ на градъ голыма сабли машуще, образомъ аки тинаху, наживающе издалече.

И в той день к вечеру ти полци от града отступиша, и на утриа самъ царь приступи съ всею силою и съ всѣми полки своими под град. Гражане же з града узрѣвше силу велику и убояшася зѣло. Татарове же такъ и поидоша к граду. Гражане же пустиша на ня по стрѣлѣ, и они паче стрѣляше, и идяху стрѣлы их на град аки дождева туча умножена зѣло, не дадуще ни прозрѣти. И мнози на градѣ стояще и на забралех от стрѣлѣ падаху, одоляху бо татарскыа стрѣлы паче, нежели гражанскыа, бяху бо у них стрѣлци горазди вельми. Ови от них стояще стрѣляху, а друзии скоро рищуще изучени суще, инии на конѣ борзо гоняще на обѣ руцѣ, и паки и напред и назадъ скорополучно без прогрѣхы стрѣляху. А друзии от них, створше лѣствици и присланяюще я, лязяху на стѣны. Гражане же воду в котлех варяще кипятню и ляху на ня, и тако възбраняхуть им. Отшедшим же симъ, и паки приступльшимъ. И тако по три дня бяхуся промеж собою пренемагающесе. Егда бо татарове приступаху к граду, близ приступающе к стѣнамъ градскимъ, тогда гражане, стрегущи града, супротивишася имъ възбраняюще: ови стрѣлами стрѣляху съ заборол, овии же камениемъ шибаху на ня, друзии же тюфяки пуцаху н них, а инии самострѣлы, напрязаяще, пругаху и пороки. Есть же нѣции, егда и самыа ты пушки пуцаху. В них же бѣ единъ нѣкто гражанинъ москвитин, суконникъ, именемъ Адамъ, иже бѣ над враты Фроловскими примѣтив и назнаменав единого татарина нарочита и славна, иже бѣ сынъ нѣкоего князя ордынского, напрягъ стрѣлу самострѣльную, юже испусти напрасно, еюже и унзе и в сердце гнѣвливое, въскорѣ и смерть ему нанесе. Се же бысть велика язва всѣмъ татаромъ, яко и самому царю стужити о семь. Сим же тако бывающим, царь стояв у града 3 дни, а на 4 день оболга князя Остѣя лживыми рѣчми и лживымъ миромъ, и вызва его вонъ из града, и уби его пред враты града, а ратемъ своимъ всѣмъ повелѣ оступити град съ вси стороны.

Какова же бысть облесть Остѣю и всѣмъ гражаномъ, сущимъ въ осадѣ? И понеже царю стоявшу 3 дня, а на 4 и наутриа, в полобѣда, по повелѣнию цареву приехаша татарове нарочити, болшии князи ордынские и рядци его, с ними же два князя суждалскыа, Василей да Семень, сынове князя Дмитриа Суждальского. И пришедше под град, приближившесе близ стѣнъ градскых по опасу, и начаша глаголати к народу, сущему в градѣ: «Царь вас, своих люди, хоцет жаловати, понеже неповинни есте, и нѣсте достойни смерти, не на вас бо воюя прииде, но на Дмитриа, ратуя, оплѣчися. Вы же достойни бысте милованиа. Иного же ничто же

не требует от вас, разве токмо *изыдете* противу его въ стрѣтение ему с честию и з дары, купно и с своимъ княземъ, хошет бо видѣти градъ сѣй и в онъ внити, и в немъ побывать, а вамъ дарует миръ и любовь свою, а вы ему врата градныя отворите». Также и князи Нижняго Новаграда глаголаху: «Имѣте вѣры намъ, мы есмы ваши князи христианскыя, вамъ на томъ правду даемъ». Народи же гражанстии вѣрующа словесемъ их, си помыслиша и прелстишася, ослѣпи бо их злоба татарская и омрачи я прелестъ бесерменская; ни познаша, ни помянуша глаголющаго: «Не всякому духу вѣру имѣте». И отвориша врата градная, и выйдоша съ своимъ княземъ и с дары многими к царю, также и архимандритове, игумени и попове съ кресты, и по них бояре и лучшии мужи, и потом народъ и черныя люди.

И в томъ часѣ начаша татарове сѣчи их по ряду напрасно. Преже всѣх их убиенъ бысть князь Остѣй пред градом, и потом начаша сѣчи попов и игуменов, аще и в ризахъ съ кресты, и черных люди. И ту бяше видѣти святаыя иконы повержены и на земли лежаща, и кресты честныя без чести небрегомы, ногами топчемы, обоиманы же и одраны. Татарове же поидоша паку в град сѣкуще, а иные по лѣствицамъ на град взидоша, никому же възбраняюще съ забрал, не сущу забралнику на стѣнах, и не сущу избавляюще, ниже спасающе. И бысть внутрь града сѣчя велика, а внѣду также. Толико же сѣчаху, дондеже руцѣ их и плеча их измолкоша, и сила их изнеможе, сабли их не имут — острия их притупишася. Людие *крстьяньстии*, сущии тогда в градѣ, бѣгающе по улицамъ сѣмо и овамо, скоро рищуще толпами, въпиюще и глаголюще, и в перси своя бьюще. Нѣгде избавления обрѣсти, и нѣгде смерти избыти, и нѣсть где острия меча укрытися! Оскудѣ князь и воевода, и все воинство их потребися, и оружия их до конца исчезоша! Ови в церквахъ съборныхъ каменныхъ затворишася, но и тамо не избыша, безбожнии бо силою разбиша двери церковныя и сих мечи изсѣкоша. Вездѣ же крикъ и вопль великъ страшень бываше, яко не слышати друг друга въпиюща, множествомъ народа кричаща. Они же, христиан изводяще изъ церкви, лупяще и обнажающе, сѣчаху, и церкви съборныя разграбиша, и олтаря святаыя мѣста попраша, и кресты честныя и иконы чудныя одраша, украшенныя златомъ и серебромъ и женчюгомъ и бисеромъ, и каменiemъ драгымъ; и пелены, златомъ шитыя и женчюгомъ саженыя, оборваша, и съ святаыхъ иконъ кузнь съдравше, а святаыя иконы попраша, и съсуды церковныя служебныя священныя, златоконныя и серебряныя, многоцѣнныя, поимаша, и ризы поповскыя многоцѣнныя расхитиша. Книгъ же много множество снесено съ всего града и из сель в соборныхъ церквахъ до стропа наметано, спроважено съхранения ради — то все без вѣсти сътвориша. Что же изърцѣмъ о казнѣ великаго князя, яко и тоя многоскровеное скровище скоро истошися, и велехранное богатство и богатотворное имѣние быстрообразно разнесено бысть.

Приидемъ в сказание и прочих и многихъ бояръ старѣйшихъ: их же казны долговременствомъ собираемы и благоденьствомъ наплѣняемы, и хранилища их исплѣнь богатства и имѣнія многоцѣннаго и неизчетнаго — то все взяша и понесоша. И паки другыя сущи в градѣ купци, яже суть богатии людие, храмины ихъ наполнены всякого добра, и клѣти их нанесены всякого товара разноличнаго — то все взяша и расхитиша. Многы монастыри и многы церкви разрушиша, въ святыхъ церквахъ убиство сдѣяша, и въ священныхъ олтарехъ кровопролитие створиша окаянии, и святаа мѣста погании оскверниша. Якоже пророкъ глаголаше: «Боже, приидоша языци в достоинство твое и оскверниша церковь святую твою, положиша Иерусалима яко овощное хранилище, положиша трупиа рабъ твоихъ — брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ твоихъ — звѣремъ земнымъ, пролиаша кровь ихъ, яко воду, окрестъ Москвы, не бѣ погрѣбаяи», и девица их не осѣтованы быша, и вдовица их не *оплакани* быша, и священницы их оружиемъ падоша. Была бо тогда сѣчя зла зѣло, и мното безчисленное множество ту паде трупиа руси, от татаръ избиеныхъ, многихъ мертвыхъ лежаху телеса, мужи и жены не покровены. И ту убиен бысть Семень, архимандритъ спасьскый, и другый архимандритъ Иаков, и инии мнози игумени, попове, дьякони, крилошане, четци, пѣвци, черньци и простци, от юнаго и до старца, мужска полу и женска, — ти вси посѣчени быша, а друзии огнемъ изгорѣша, а инии в водѣ истопоша, а инии множайшии от них в полон поведени быша и в работу поганскую, и въ страну татарскую пленени быша.

И баше видѣти тогда в градѣ плач и рыдание, и вопль многоъ, слезы неисчетенныя, крикъ неутолимый, стонание многое, оханье *сѣтованное*, печаль горкаа, скорбь неутешимая, бѣда нестерпимаа, нужда ужаснаа, горестъ смертнаа, страх, трепет, ужась, дряхлование, исчезновение, попрание, безчестие, поругание, посмѣвание врагов, укоръ, студ, срамота, поношение, уничижение.

Си вся приключишася на христианскомъ родѣ от поганыхъ за грѣхы наша. И тако вскорѣ злии взяша градъ Москву месяца августа въ 26 на память святого мученика Андреана и Натальи въ 7 час дни в четверг по обѣдѣ. Товаръ же и всяческаа имѣнія пограбишя, и град огнемъ зажгоша — град убо огню предашя, а людии — мечю. И бысть оттолѣ огонь, а отселѣ мечь: овии, огня бѣжаща, мечем умроша, а друзии — меча бѣжаще, въ огни сгорѣша. И бысть имъ четверообразнаа пагуба: пръвое — от меча, второе — от огня, третье — в водѣ потопоша, четвертое — въ пленение поведени быша.

И бяше дотолѣ, преже видѣти, была Москва град великъ, град чуденъ, градъ многочеловѣченъ, в нем же множество людей, в нем же множество господства, в нем же множество всякого узорочья. И паки въ единомъ часѣ измѣнися видѣние его, егда взят бысть, и посѣченъ, и пожженъ. И видѣти его нѣчего, развѣ токмо земля, и персть, и прах, и пепел, и трупия мертвых многа лежаща, и святыя церкви стояще аки разорены, аки осиротѣвши, аки овдовѣвши.

Плачется церкви о чядех церковных, паче же о избъеных, яко матере о чадѣх плачущися. О, чада церковнаа, о, страсотерпци избъении, иже нужную кончину подъясте, иже сугубую смерть претръпѣсте — от огня и меча, от поганых насилства! Церкви стоаше не имуци лѣпоты, ни красоты! Где тогда красота церковнаа, понеже престала служба, еуже многа блага у Господа просимъ, престала святаа литургия, престала святаа просфира приношение, еже на святомъ жрътвеницѣ, престала молитва заутреня и вечерняя, преста гласъ псалму, по всему граду умлѣкоша пѣсни! Увы мнѣ! Страшно се слышати, страшнѣе же тогда было видѣти! Грѣси наши то намъ створиша! Где благочиние и благостоание церковное? Где четци и пѣвци? Где клиросници церковнии? Где суть священници, служащии Богу день и ноць? Все лежать и почиша, все уснуша, все посѣчени быша и избъени быша, усѣчениемъ меча умроша. Нѣсть позвонения в колоколы, и в било нѣсть зовущаго, ни текущаго; не слышати в церкви гласа поюща, нѣсть слышати славослова, ни хвалослова, не бысть по церквамъ стихослова, и благодарения. Въистину суета челоуѣчьскаа, и бысть все мятеж челоуѣчьскый. Сице же бысть конецъ московскому плѣнению.

Не токмо же едина Москва взята бысть, но и прочии гради и страны плѣнени быша. Князь же великый съ княгинею и съ дѣтми пребысть на Костромѣ, а брат его Володимеръ на Волоцѣ, а мати Володимерова и княгини в Торжъку, а Герасимъ владыка коломенскый в Новѣградѣ. И кто нас, братие, о семь не устрашится, видя таковое смущение Руской земли! Якоже Господь глагола пророкомъ: «Аще хочете послушаете мене — благаа земнаа снѣсте, и положю страх ваш на вразех ваших. Аще ли не послушаете мене, то побѣгнете никимже гоними, пошлю на вы страх и ужась, побѣгнет васъ от пяти сто, а от ста — тма».